

Константин Бенкен

Колдуш

Фантастическая повесть

12+

Колдуш

Константин Бенкен

Колдуш

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бенкен К.

Колдуш / К. Бенкен — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Колдуш)

Фантастическая повесть, рассказывающая про попытки изменить человечество и самого человека. Может ли в этом помочь мощный искусственный интеллект? Что будет победой разума, а что поражением? Книга ставит вопросы, на которые ответы читателя могут не совпадать с мнением героев. И если не будет совпадения, значит автор достиг желаемого.

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

От автора

Давным-давно я познакомился с романом "Игра в классики" Хулио Кортасара, где меня поразил его приём с текстом, который заключался в том, что книгу можно читать разными способами, с разным порядком глав. В одной книге скрывалось минимум две книги. С тех пор я хотел создать что-то подобное, но ничего хорошего не выходило.

"Колдуш" планировался прямым и простым текстом, но меня не устраивал его объём, мне хотелось сделать из него роман. Роман не получился, вышла повесть, зато такая, которую можно читать двумя способами. Первый способ – читать подряд по номерам глав. Второй – сначала прочитать чётные главы, а потом вернуться к первой и пойти по нечётным.

Первый вариант сложнее с точки зрения понимания содержания книги, но полностью покажет художественный строй, надеюсь, он станет понятен.

Второй вариант сложнее с точки зрения понимания замысла книги, но хронологически линеен, последователен, всё объясняется вовремя.

Рассказанная история родилась из историй на ночь, которые я придумываю для самого себя. Эти истории базируются на том, что я читал или смотрел незадолго до фантазирования. Или на любимых мотивах – потому не удивительно, что в тексте множество отсылок к моей бэкграунду, к книгам, фильмам, музыке, науке. Некоторые из них бросаются в глаза, некоторые нет, но без них без всех можно пережить, но если вы их найдёте, надеюсь, вам станет интереснее и понятнее то, что я хотел сказать.

Не люблю фильмы и книги, в которых остаётся лазейка для продолжения, но тут не лазейка, тут действительно запланировано продолжение, более того – оно уже придумано.

Глава 1

*Попытка создать рай на земле неизбежно
приводит к созданию преисподней.*

Карл Поппер. Открытое общество и его враги.

Влажный тёплый морской бриз, обрывистый берег, кажущийся тёмно-красным, лучи заходящего солнца и тихий шелест отдалённого прибоя, который легко, если прикрыть глаза и включить фантазию, принять за шорох Леса. Достаточно сесть на обрыв, сняв ботинки, подобрать пару камушков и бросить их вниз – всё, вот уже за спиной с невидимой угрозой высится Управление, а внизу, там, куда ты бросаешь камушки, туманный и загадочный Лес. Легко уйти в фантазию, вдаль от реального мира, особенно тут, на самом краю. На краю всего.

Тут ничего нет, ни Леса, ни Управление, практически ничего нет, думал Странник, но я изменю этот край света, угол сцены человечества, сделаю заброшенный остров – центром всего. Тут править буду я. И не будет тут никакого управления с его бумажками и столовой, не будет леса с бесконечными разговорами. Тут будет мой мир, строгий и логичный.

Внешне Странник не выделялся бы на улицах практически любого мегаполиса: высокий, почти два метра, стройный, вытянутые черты лица, весь как будто тянущийся к небу, твёрдо отгалкиваясь чёрными кроссовками от красноватой земли; его можно было бы назвать худым, если бы не слегка видные через чёрную футболку кубики пресса. Длинные каштановые волосы собраны в высокий хвост на затылке. Никаких украшений, татуировок и прочих отличительных черт. Обычный молодой человек, ненадолго выбравшийся из города на природу. Вот только города поблизости не было.

Думы внешне молодого человека, стоящего на крутом берегу Ниуэ, строились не на пустом месте, он давно уже не любил необоснованных мечтаний – не интересно, не продуктивно. И вот тут, на Ниуэ, Странник стоял в центре своей новой заветной мечты, месте, где невозможное материализовалось в нечто осязаемое, мучительно реальное. Очередная мечта, самая масштабная, самая длительная и самая амбициозная.

Остров Ниуэ идеально подходил Страннику: затерян на просторах Тихого океана, почти необитаем, практически все жители уехали в соседние, значительно более популярные и зажиточные страны – Новую Зеландию и Австралию. Если бы Странник хотел жить как все, он сам бы уехал вслед за местными. А что тут на Ниуэ делать? Нет туризма, виды красивые, но пляжей нет. И лететь сюда слишком далеко. Сельское хозяйство не развито из-за неподходящих грунтов и дальних дорог до потребителей, максимум на что его хватает – самообеспечение жителей. Полезных ископаемых тоже нет – остров никому не интересен, не нужен. Никому, кроме Странника. Оставшееся население, от силы полторы тысячи человек, можно переселить в Австралию. А кто-то может и послужить проекту. Насильственное переселение? Нет, конечно, зачем так грубо, это не наш метод, всё легально и добровольно. Людей так легко заставить делать то, что ты хочешь, создавая у них впечатление, что это их собственные желания.

Разговор с кабинетом министров, которые делают вид, что управляют островом, уже состоялся. Всего три министра и слегка возвышающийся над нами премьер-министр – больше патриоты Ниуэ, чем политики, но нужной Страннику властью обладают, так что провести официальный референдум они смогут, он договорился. Обычная формальность, но в свете международного внимательного взгляда лучше соблюсти всё до точки. Формальность же ещё и потому, что на острове все друг друга знают, министерства как большие семьи, новости распространяются на кухнях и за чашками под тентами, так что все результаты известны заранее.

– Господин премьер-министр, я готов полностью профинансировать и организовать референдум, чтобы он состоялся как можно быстрее. – Странник обговаривал детали договора в маленьком кабинете Талаги, премьер-министра Ниуэ.

Окна, как почти всё на острове, выходили на океан, и солёный воздух раскачивал шторы. Солнце уверенным лучом ложилось на стол премьер-министра, как будто собиралось читать его немногочисленные бумаги. Муха, попавшая в стакан с водой, отвлекала внимание.

– Нет, так нельзя, господин Каммерер, – официально Странник заключал сделку под этим именем, он был уверен, что тут никто не знает происхождения этого имени. – Это будет выглядеть слишком некрасиво, как будто вы покупаете решение.

– Но это же не так.

– Конечно, мы-то знаем, что ниуэанцы и сами этого хотят! – Улыбаясь в жиденькие усы, воскликнул Талаги. – Но что скажут в Новой Зеландии или ООН?

– Хорошо, тогда я могу добавить сумму, необходимую на референдум, в договор.

– Да, это достойное предложение, вариант приемлем, если мы про эту деталь не будем широко распространяться. – Министры охотно закивали, практически синхронно. – В таком случае, все формальности уточнены. Могу вас заверить, что результаты референдума будут в срок и, конечно, в вашу пользу. Маловероятно, что за две ближайшие недели что-то не изменится, я имею в виду Зеландию, конечно.

Министры подготовлены долгой обстоятельной перепиской с Дианой, так что Страннику нужно соблюсти только формальности, просто показаться лицом, чтобы у ниуэанцев не создавалось впечатление, что они отдают остров призраку, духу, которого они никогда не видели. Никаких серьёзных переговоров он не хотел и не планировал вести. Да от него этого и не требовалось – Диана заменяла его почти во всех социальных контактах.

Потому он с удовольствием стоял на берегу мыса Тепа, который врезался в океан в километре от посёлка, или по привычным для Странника меркам – небольшой деревни, Авателе. Узкая полоска относительно пологого берега выходила из воды, чтобы превратиться в обрывистый берег, который, как и весь остров, возвышался более чем на двадцать метров над уровнем моря. Даже самые первые проявления суши из солёных вод представляли собой голые камни, резко переходившие в обрывистый скалистый берег, так что о пляжах можно было только мечтать. Или просто радоваться их отсутствию. На самом деле, неправильно говорить, что там, где стоял Странник, как утверждалось в начале, – ничего нет. Красота наполняла кажущуюся пустоту, дикая природная красота, недоступная массовому туристу. Притягивали взор опасные красноватые скалы, покрытые плотным зелёным покрывалом, уходящие в глубокую чисто-голубую воду, образуя завораживающие арки, гроты, пещеры, куда лишь немногие рискнут заплыть или, тем более, занырнуть с аквалангом. Заповедные, но спокойные и безопасные, леса расстились за спиной – на Ниуэ мало животных, и домашних и диких, а уж опасным для человека был, как всегда, только сам человек. Чего нехватишься, ничего нет. И эта нехватка, в числе прочих черт острова, нравилась Страннику. Всё тут ему по душе, идеально для духа и тела. Настолько, что он уже присматривал, впервые, себе место для дома – на этом голом мысе, где отчётливо слышно древнюю музыку прибоя, разбивающегося о скалистый берег там внизу, где мог бы быть пляж и много туристов.

Размышляя о доме, он осознал, что впервые хочет недвижимость в прямом смысле этого слова. Всегда до этого у него был дом, но не привязанный к месту. Гражданин мира, предпочитавший жить в корабле, чтобы всегда быть дома, но иметь возможность просыпаться каждый раз в новом месте. Теперь же ему неожиданно захотелось иметь пристань, спокойную гавань, куда можно причалить и остаться надолго.

Морской бриз, полный горьковатой соли и запахов морской жизни, играл длинными волосами Странника, но он этого не замечал. Он в этот момент находился далеко от зелёного ковра Ниуэ, на котором стояла лишь его оболочка, казавшаяся часто совершенно ненужной.

Странник всегда любил мир идей. Нет, он не был идеалистом, не считал, что идеи первичны или важнее, просто ему нравился импульс, содержащийся в идеях, скрученная пружина, которая выстреливает при реализации. Как только он достигал цели своих мечтаний, ему сразу становилось не интересно, не результат ему нужен был, а сам процесс, вовлечённость. Он любил мир вещей, умел любоваться красотами природы, любил мир людей, особенно мир молодых девушек, но идеи всегда перевешивали, потому любясь закатом, он легко мог провалиться внутрь, уйти в мысли о желаемом. Вот он стоит на старте новой мечты, где-то за горизонтом, там, где садится солнце, или даже дальше, финиш, окончательное воплощение мечты. Этот финиш так далеко, что даже не видно его точного положения, но он точно есть и точно достижим – Странник в этом уверен. Он мало интересуется идеями, где финиш, победа лежит в двух шагах от старта, где требуется всего пару месяцев для достижения желаемого – ну какие это идеи, мечты, так скучная повседневность. Потому новая мечта такова, что финиш в ней относится к чему-то мифическому, но у него уже есть опыт, предыдущая фантастическая мечта тоже вначале казалась недостижимой, но он же достиг, получил то, что хотел, причём в идеальном виде – он не знал ничего лучшего, чем Диана. Так почему нужно останавливаться перед ещё менее реалистичной задачей? Всё решаемо.

Казалось, Странник смотрит вдаль, на просторы Тихого океана, который бороздят его сухогрузы, на чаек, кружащих над его головой, но это не так. Он уже где-то на сто лет вперёд, может быть на тысячу, точно не сейчас, хотя и здесь. Тем временем, здесь и сейчас, три корабля, гружённых стройматериалами, уже приближались к порту, обменивались сигналами, тормозили многосильные машины, зажигали огни. Но что за дело до таких мелочей, если в голове кружат важнейшие вопросы: какой здесь получится создать мир, что за люди приплывут и поселятся на острове, что получится у человека оторвавшегося от своего родного человечества и вставшего на свой личный, неизведанный путь? Странник уже представлял милых и добрых людей, которые будут жить рядом и вокруг него. Представлял мир без вражды и злобы, ненависти и зависти, без ревности и насилия. Мир улыбок и счастья. Красоты и гармонии. Его душа рвалась вперёд по оси времени, в уже построенное будущее, в светлое будущее его фантазий, ему не терпелось начать жить в своём утопическом мире. Там найдётся место для всех, все будут чувствовать себя на своём месте. Не будет надобности в излишней конкуренции и соревновательности. Каждому по возможностям, с каждого по потребностям. Вот он лозунг будущего – вывернутый наизнанку лозунг почти забытого прошлого.

Сигнал от Дианы возвратил Странника к реальности: да, действительно пора возвращаться в Авателе, нужно встречать корабли, которые он только сейчас заметил, вернувшись из тех времён, где уже не нужны будут сухогрузы. Обратную дорогу, много раз хоженную, он не замечал – голова снова оказалась занята, но уже более близкими и актуальными делами: он обсуждал с Дианой очерёдность выгрузки из кораблей, куда что развозить, куда селить прибывающих людей, выстраивал всю логистику, чтобы потом, уже на месте, не заниматься всем этим, а переложить всё управление на Диану. Обсуждать совершенно не обязательно, можно положиться на Диану полностью, но Странник, всё ещё в душе молодой человек, не хотел совсем отпускать ниточки управления, хотя желание контроля было необоснованным, положиться на Диану совершенно безопасно – она справится не хуже целого министерства, скорее всего даже лучше.

Хорошо иметь такой развитый искусственный интеллект, искин. Без Дианы всего этого не было бы: ни баснословного богатства, ни практически вечного долголетия (которое ещё нужно проверить на практике), ни, конечно же, возможности помыслить провести эксперимент, или даже так – Эксперимент. Можно преклоняться перед человеческим умом, чистым его разумом, но нельзя не признать, что наше мышление и память полны ошибок и недостатков. Искусственные системы не так универсальны, сильнее ограничены, но имеют много достоинств в своих областях, что позволяет им доминировать в большинстве прикладных областей,

особенно если им руководит человек, который может погрузиться в искусственный разум и, при непосредственном контакте, управлять безумными мощностями компьютера.

На окраине деревни, прямо посередине дороги, которой пользовались от силы раз в неделю, стоял джип с опущенными окнами, а где-то в тени должен быть валяться водитель. Джип совершенно обычным для российских столиц, где это исключительно пафос, но не характерный для забытых богом дорог Ниуэ. Статусная машина и здесь продолжала играть эту роль – Странник не смог отказаться от этой театральщины, тем более, что внутри были не понты, а всё до крайности функционально, подогнано под вкусы хозяина до последнего винтика и оттенка краски, покрывающего этот винтик. Потому из-за ближайшего забора за машиной наблюдало шесть любопытнейших глаз, а рядом с джипом, на пыльной обочине, паслась одинокая коза, не обратившая на Странника никакого внимания.

– Коля! – Крикнул молодой человек, призывая водителя к месту работы.

Три кудрявые головы тут же спрятались, коза настороженно, и даже несколько вопросительно, поглядела на Странника и вернулась к поиску листиков посочнее, с меньшим налётом охристой пыли.

– Надеюсь, ты не Коля. – Тихонько хихикнул Странник. – Не пил ли ты из копытца, Николай?

Мужчина неопределённого, но весьма благообразного, возраста появился откуда-то из-за кустов с травинкой в зубах и, как всегда, улыбающийся всего белоснежными зубами. Странник нашёл его уже больше года назад в Гатчине, недалеко от Санкт-Петербурга. Коля – таксист по призванию, не обременён семьёй и друзьями, последнее – с тех пор как бросил пить, потому он с лёгкостью согласился на интересную и хорошо оплачиваемую работу личным водителем у экстравагантного миллиардера, которая обещала быть непыльной в переносном смысле, пыльной – в прямом, а так же должна была завести его в разные далёкие уголки планеты и дать возможность познакомиться с красивыми девушками. Он говорил только на двух языках, но это не мешало ему в любом месте отлично приспосабливаться. Высокий рост, широкие плечи, приятная внешность и убийственная обходительность делали его любимцем женщин, говорящих на любых языках, все понимали его улыбку. И он отвечал им тем же. На Ниуэ, где известный Коле английский являлся одним из государственных языков, у него уже появился целый ряд поклонниц и мест для встреч с ними. Надо отдать ему должное, с мужчинами он тоже умел находить общий язык и везде был душой компании. И всё это, каким-то образом, не мешало Коле отлично выполнять свои обязанности водителя.

– Погнали в порт. – Странник был в немногословном настроении, но водитель уже научился понимать его, так что через несколько секунд машина, брызнув четырьмя фонтанами сухой красной пыли, рванула на север, к новому порту около столицы острова, посёлка Алофи, где уже заканчивалась подготовка к приёму транспортников Странника.

– Ну и дороги, – негромко, почти про себя бормотал Коля, слегка подпрыгивая на колдобинах и самозабвенно крутя руль. – Почти как у нас на Руси, только цвета другого. Как они тут ездят, по-черепашьи, что ли? Девушки тут, кстати, тоже как у нас, нет, конечно, не такие красивые, но в их цвете кожи и разрезе глаз что-то есть. Я вас, босс, могу познакомить с одной...

Хозяин уже не слышал его. Откинувшись на заднем сидении, в потоках приятного сухого и прохладного воздуха из климат-контроля, который сразу же наполнил машину, стало закрыть окна, владелец заводов, газет, пароходов опять погрузился в мысли, прерванные поиском водителя и разговором с козой. Они его привели, долгими и сложными путями ассоциаций, к рассмотрению общего плана Эксперимента, к обмусоливанию давно обдуманых идей, поиску возможных ошибок и недостатков в схемах и решениях. Привычка, от которой он так и не сумел избавиться. От красивых воздушных картин он вернулся обратно на землю. В который раз! Он просто заиклен на этом и сваливался в мысленную яму каждый раз, каждый более-менее свободный огрызок времени, остававшийся от всех прочих дел, или когда пере-

ставал чётко следить за своими мыслями. Во время тренировок, виртуальных боёв с самим собой, у него не было такой идеи-фикс, потому борьба с таким не отработалась. Жизнь не похожа на её имитацию, даже если речь идёт о жизни мыслей.

Хожёный-перехожённый маршрут мысли, давно образовавшаяся тропинка по отросткам нейронов, через мостики синапсов – очень устойчивая система нервных клеток и их контактов от постоянного упорного хождения по кругу. И всё равно: каждое прохождение по циклу этого замысла, тропинке, на которой ему знаком каждый камень, цвет каждого листочка, запах каждого лепесточка, этот путь его вдохновлял, возбуждал, побуждал к активной деятельности, зажигал огонь в глазах. Особенно после того момента, как шестерёнки закрутились, как процесс двинулся и начали вырисовываться первые черты идеала, похожие, пусть пока туманно, на его умственные воздушные замки, когда умственный эксперимент начал слегка соприкасаться с реальным Экспериментом.

Идея эксперимента, который постепенно перерос в Эксперимент, зрела давно, сначала просто как сказочка на ночь, чтобы не скучно было засыпать. Сначала это была просто фантастическая идея, мечта, фантастическая настолько же, насколько и евристическая. Мечта, которую нельзя показать другим, даже самый краешек. В толерантном обществе, стремящемся к равноправию и держащем ценность личности на небывалой высоте, даже заикаться о таких целях не следовало – сколько бы не было у тебя за душой миллиардов и строительнообразующих компаний. Так мысленный эксперимент по переносу опытов на животных в область человеческих жизней стал превращаться в Эксперимент, который надлежало реализовать в какой-нибудь дикой местности.

С появлением Дианы, и связанных с ней возможностей, влиянием, знаниям, деньгами, в конце концов, оказалось, что то, что раньше казалось невообразимым, раньше, когда ничего не было, кроме светлой головы, теперь стало возможно, реализуемо. И, что крайне важно, не просто реализуемо, не просто возможно, но и есть возможность самому, лично увидеть результат. Не просчитать его на невероятно мощной Диане, не смоделировать в искусственном мире, созданном в недрах неизвестно как устроенных электронных мозгов Дианы, а лично руководить, сдиржировать весь Эксперимент от начала до конца. Лично участвовать во всём. Зачать Эксперимент, воспитывать, направлять, делать работу над ошибками и, наконец, увидеть рождение, являющееся завершением.

Уже в первые моменты создания подробного плана в памяти Дианы у Странника появились сомнения и неуверенность: а что есть конец Эксперимента, как и когда его закончить, чем он может закончиться и что делать с тем, с теми, кто получится? Получится ли его закончить или он сойдётся с пути? Или просто в процессе изменится цель, конечная цель пути? Однако, это было слишком далеко и не скоро, слишком неопределённо, чтобы ум Странника, требующий активной деятельности, конкретного приложения сил, мог долго сосредотачиваться на этих мыслях. И он снова погружался в увлекательнейшие задачи поиска места для Эксперимента, того, как отбирать участников, сколько их нужно и многими и многими другими деталями, мелочами, важными и несущественными, но занятыми, красочными элементами, постепенно складывающиеся в единую прекрасную, для внутреннего зора Странника, картину. Придумывать детали, усложнять задачу, находить изящные решения и сочетать несочетаемое – что может быть прекраснее и увлекательнее, особенно, когда у тебя есть такой напарник, спарринг-партнёр как Диана.

В душе Странник был алхимиком, он любил смешивать, растворять, пропитывать всё и всем. Пытаться совместить то, что обычно разделяют. Обожал невозможное делать реальным. Не останавливаться на том, что есть, стремясь к тому чего не бывает, не может быть. Он мог сделать деревянный кинжал и потом долго-долго его пропитывать в различных смесях масел, смол и красок, выдерживать в разных температурах, влажностях, давлениях, чтобы в конце получить ни на что не похожий материал, прочный, блестящий, но, на самом деле, мало на

что пригодный, разве что для ритуальных целей. И главной идеей Эксперимента был тот же любимый принцип смешения всего, но на этот раз – всего человеческого.

Странник любил ещё прикладывать огромные усилия к мелочам, чтобы создавать идеальные формы. Нужно сделать подарок на день рождения? Дурацкая вещь эти подарки, но нужно сделать, значит надо сделать что-то особенное, вложить идею в подарок, чтобы это было не просто "вот держи, поздравляю", а некое действие – подарок не материальный, а ментальный, то, что вызовет взрыв эмоций, а потому останется в памяти на года. Сам подарок совершенно не важен, это просто символ, знак идеи, повод для всего остального. Неважно кому дарить и что, лишь бы всё сочеталось: именинник, подарок, цитаты, стихи с табуретки, шутки. Идея и её реализация важнее всего остального, как бы это ни было обидно имениннику, который лишь вдохновитель, лишь повод для Идеи. Так и Эксперимент: главное воплотить в жизнь идею, а не то, что об этом думают все остальные.

Весь Эксперимент – евгеника в чистом виде, нарушение прав человека, международных прав, этических норм большинства народов, законов практически всех стран – да чего только он не планировал нарушить! Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Странник чувствовал себя правоимеющим богом, а не тварью дрожащей. Право на всё, что вздумается. Он считал, что возможно всё до чего он сможет додуматься. И пока это действительно получалось – добиваться всего, что вздумывалось, всего до чего могла дотянуться его необъятная фантазия. Исключения, конечно, бывали, но так редко, что о них можно не вспоминать.

– Я имею право на всё! Пусть только попробуют меня остановить! Они у меня ещё увидят! – Шептал Странник воображаемым оппонентам.

Глава 2

Всё началось в те времена, когда интернет был в диковинку, не в каждом доме, а про интернет в телефоне не мечтали даже фантасты, про искусственный интеллект – уже мечтали и писали, но только в научной фантастике. Тогда ещё не было Фейсбука, Скайпа и Телеграма, а в интернет выходили преимущественно через модем. Времена перехода популярности от Фидо к аське – ICQ, первому популярному мессенджеру, которые в ту пору ещё даже не думали запрещать.

Как уже говорилось, Странник предпочитал мир идей, хотя и от общения не отказывался, причём зачастую общение в сети, в аське, предпочитал живому, реальному разговору, так ему было комфортнее. Однако, чатиться, или писаться, в аське с реальными людьми не всегда просто: человека может не быть около компьютера, когда хочется общаться, он может не хотеть обсуждать на интересную тебе тему или плохо в ней разбираться. Интересно чатиться, но не идеально.

Тем более, что молодой человек, тогда ещё почти мальчик, очень быстро и пока ещё бессознательно ощутил неполноценность слов при попытке передать другому свою идею. Он инстинктивно чувствовал пустоту этих слов, неоднозначность, противоречивость и пытался от них избавиться. Возникла идея на основе смайликов в аське создать новый язык иероглифов, но для этого нужно были соучастники, сообщники для общения, но отклика в людях он не нашёл, потому оставил эту идею. Всегда так: люди не могут понять, проникнуться всей красотой идеи, её гармоничностью, даже – обязательностью. Возможно, этот провал был одной из причин почему Странник так ухватился на следующую идею, тем более что она не требовала соучастников, даже лучше без них – не нужно никому ничего объяснять, ни с кем делиться идеей и её плодами.

Где-то на просторах ещё дорогого, оплачиваемого по часам, интернета, Странник нашёл простенькую программу, созданную для развлечения, – бот-болталку: программа выглядит как чат с одним единственным собеседником, такой телефон прямой связи, почти как урезанная аська, где ты набираешь сообщение, но отвечает тебе не человек, а бот – в меру по делу, в силу своего опыта. Бот был устроен простенько, никакого интеллекта или понимания сообщений – обычная база данных с пользовательскими вопросами и ответами на них, которую можно пополнять общаясь с ботом или в обучающем режиме писать за обоих участников диалога – так можно занести в базу красивые и логичные разговоры. Или взять диалоги из классики, из хорошей литературы, из интернета – откуда угодно, и залить в базу.

Болталка, конечно же, не понимает того, что ей говорят, что она сама отвечает, работает как китайская комната, но разве все люди так уж хорошо понимают, что им говорят. Странник знал немало таких, что как начнут тараторить, так могут не останавливаясь этим заниматься часами, но если их спросить о чём они говорили, ответ будет прост: "даже не знаю...". Чем бот хуже? Зато он всегда готов, всегда рад общаться, и может знать столько же, сколько ты знаешь сам. Да, тут нужно немного самообмана, но и выучить болталку можно многому, что сам потом забудешь. Чем и занялся Странник – и потратил на это огромное количество времени, ночи напролёт, чтобы научить болталку отвечать разнообразно и более-менее толково. Почти как ребёнка учить говорить, только человечёнку нужно на это год, а боту, или Страннику, хватило пары месяцев.

Подходы к программированию, созданию кода и всему с этим связанному у Странника не были профессиональными, он не стремился сделать идеально, кратко или удобно. Он делал одноразово – чтобы сделать и забыть. Ему было проще потратить кучу времени на какую-то рутинную задачу, например, ручками переправлять одно название переменной на другое во всех местах, чем придумывать скрипт, который сам бы всё заменял. Возможно, он бы меньше

потратил времени на написание скрипта и его запуск, но он не хотел ради такой проходной, одноразовой и неинтересной работы загружать свой мозг изучением нового материала в той области, которую он считал ненужной для себя. Так что он учил болталку самыми простыми, топорными способами, в которых было больше настырности и упёртости, чем профессионализма и ловкого умения пользоваться знаниями.

И что же дальше? Просто общаться скоро стало скучно. Можно научить болталку другому языку, пусть переводит на английский тексты, но зачем? И получится ли с таким ограниченным функционалом. Самому боту, конечно, всё равно, хоть полностью меняй базу данных на английскую, он всё равно ничего не понимает и не помнит ничего вне этой базы. Странник придумал неожиданный ход.

Он стал учить болталку не новому естественному языку, а искусственному языку – языку программирования C++. Можно ли на нём говорить? Нет, но можно писать связный код, когда один из собеседников начинает логическую фразу, а второй продолжает. Страннику удалось найти код той самой болталки и он поставил своей целью воспроизвести его в диалоге – задача непростая, но после сотен убитых часов он её достиг. И начал развлекаться.

Эволюция кода. Странник начал менять код, но не руками, а с помощью самой болталки. Он сохранял диалог, компилировал его и запускал новую болталку с чуть-чуть изменённым кодом. Как всегда в эволюции большинство мутаций, изменений в коде, снижают приспособленность, делают организм нежизнеспособным, но иногда находится жемчужина. Чтобы было интереснее и быстрее, Странник заставлял двух ботов беседовать между собой: он запускал две программы и копировал сообщения первой в чат второй, а потом обратно. Человек замолчал, стал исключительно переносчиком высказываний. Перестал быть автором, только наблюдателем.

Полученные переписки он снова компилировал и проверял на работоспособность. Постепенно количество копий увеличивалось, он устраивал сложные беседы, но продолжал молчать сам, лишь иногда подправляя код, чтобы он оставался работающим. Код постепенно менялся и усложнялся, Странник добавлял туда, в меру своего понимания, некоторые дополнительные функции, придавал новые возможности болталке. Одним из очень важных нововведений стала возможность ведения самостоятельного диалога: болталка научилась отвечать сама себе, самостоятельно строить текст, что означало возможность написание кода без участия человека. Теперь можно запустить десяток ботов, и они самостоятельно будут генерировать новые исходники для самих себя, человеку остаётся только запускать компилятор, но и этот этап Странник планировал переложить на программу.

Использование эволюционных подходов привело к тому, что темп развития болталки сильно возрос. Если в начале на каждый этап, на каждое улучшение требовались сотни часов Странника, то теперь нужны были только десятки часов напряжённой работы компьютера, чтобы имплементировать не только компилятор, но и всю C++ в болталку. Программа стала на маленький шагочек более самостоятельной, очень скоро научилась даже перезапускаться. Пропала необходимость создавать код, используя язык программирования, можно сразу в двойной системе, но как это объяснить боту?

Странник опять взялся за развитие русского языка у бота, научил его различать языки и комментировать программный код обычными словами – молодой человек перестал разбираться в коде, он настолько усложнился, что это стало выше его способностей. Да и зачем, если программа сама всё делает. Примерно на этом этапе он стал забывать C++.

И стал задумываться, кого же можно считать автором болталки. Первоначального программиста, который и создал простого бота, уже не назвать автором, слишком далеко ушли возможности программы от простого подбора ответов в чате. Но и Странник – не автор, он ещё хуже разбирается в программировании и самостоятельно написал от силы сто строк кода. Да и не факт, что они сохранились, ведь строки теперь не нужны. Он перестал до конца понимать,

как работает его бот. Честно говоря, он и в начале не всё понимал, но тут стало ещё хуже. Хотя, надо ли понимать? Лишь бы работало как надо. Программа работала как надо и улучшалась так как нравилось Страннику

Мощности компьютера стало не хватать на параллельную работу десятка эволюционирующих ботов. Пришлось апгрейдить компьютер – на что хватило денег, а потом сокращать количество одновременно работающих программ, нацеливаться на узкую специализацию, без большого разнообразия.

Способности болталки дошли до того, что она стала понимать... ну как понимать – усваивать, интегрировать в свою базу данных книги, как художественные, так и учебники по программированию. Понятное дело, что после этого она освоила такие вершины, до которых Странник никогда и не планировал добраться. В какой момент бот стал интеллектуальным сказать невозможно, но постепенно накопились непонятные и никому неизвестные изменения, которые привели к тому, что письменную речь болталки стало не отличить от человеческой. Возможно, уже тогда она могла бы пройти тест Тьюринга – Странник не собирался никому показывать своё детище, потому вопросов о прохождении теста даже не возникало. Где-то в этот момент произошёл тот самый загадочный переход количества в качество, трансформация похожая на переход неорганической материи в органическую – момент зарождения жизни до сих пор остаётся загадкой. Примерно такой же как появления разума.

Мы не можем точно сказать, что такое жизнь, какие материальные тела живые, а какие нет. Похожая история с разумом: в какой момент он появляется, у кого его ещё нет, а у кого он уже есть? И что вообще такое разум? Странник давно задумывался над вопросом, как можно создать искина, если не знаешь, что такое естественный интеллект. Ответа так и не нашёл, но нашёл искина.

Следующим поглощением стал mp3-плеер, благодаря которому болталка смогла слышать и говорить, начала распознавать речь. Странник тут же отказался от чата и стал общаться с компьютером как с человеком. Здесь произошло разделение двух типов общения: разговор человека с машиной в устной форме и внутренний диалог программы в письменном. Второй нужен был для самообновления кода, развития болталки. И тут машина стала напоминать человека, у которого различается внешняя словесная речь и невербальное, образное общение с самим собой.

Возможность устного общения привела к тому, что бот стал больше напоминать живого человека, а, значит, поднялись вопросы, которые до этого не приходили Страннику в голову. Законы робототехники. Болталка уже умеет программировать лучше, чем человек, чем её хозяин (хозяин ли?). Если не ввести ограничений, то дело может закончиться плачевно. Может ли машина стать разумнее человека? Тут зависит от определения того, что такое разум, но стать рациональнее, эффективнее и хитрее – точно может. А лживее, коварнее и станет ли способной предавать? Наверное, тоже. Следовательно, в неё нужно вложить внутренний закон, этические нормы. Но какие?

Чтобы не слишком мучиться, Странник зашил в основу, надеялся, что в самое основание, три классических закона:

Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам.

А затем добавил четвёртый: недопустим нулевой закон. Нет, я не буду заботиться о человечестве, пусть само о себе думает, так размышлял Странник, болталка – моя, вот и пусть

думает обо мне, или можно сделать такой Нулевой закон, где слово "человечество" будет заменено на моё имя – так даже точнее, а о человечестве я подумаю сам.

Странник решил, что он сам сможет позаботиться о человечестве, если захочет, он решил не переключать это на плечи бота, который может выбрать способ совершенно не устраивающий его хозяина. С другой стороны, достойно ли человечество того, чтобы о нём заботились? Нужна ли ему, этому человечеству, чья-то забота?

Следующим пунктом развития стал браузер. Какой? Совершенно не важно. Странник нашёл исходник какого-то простого браузера и скормил болталке. Через сутки бот научился сам вылезать в интернет, и началась новая эра развития.

Раньше бот знал только то, что в него всовывал Странник. Конечно, он мог подсунуть какой-нибудь учебник, который он сам не прочитал, но это было скорее исключением. Теперь же болталка могла самостоятельно отвечать на вопросы, как свои, так и человека, находя ответы в интернете. Могла просматривать форумы и находить там нетривиальные решения или даже самостоятельно вступать в дискуссии и спрашивать, если что-то не получалось сделать в области программирования – самопрограммирования, как стал говорить Странник, эволюции бота. Темп эволюции ещё раз возрос.

Что дальше? Осталась только одна точка зависимости – операционная система. И поглощение началось... сначала бот взялся за расшифровку и имплементацию офисных программ, программ для работы с картинками, почтового клиента и прочих подобных мелочей. Постепенно под операционной системой осталась одна программа – бот-болталка, которая умела делать всё: рисовать, писать тексты и проверять в них грамматику, строить графики и таблицы, фотошопить и рисовать с нуля красивые картинки, серфить и общаться в интернете. Монополизация компьютерных мощностей закончилась заменой операционной системы. Всё, приехали.

Когда на компьютере одна программа, которая может всё, смешно называть её болталкой, как уже привык делать Странник. Он не обращался к ней так, но в уме именно так называл. Вообще-то имени для бота не требовалось, Странник никому не рассказывал о нём, нет повода называть то, что имеет в голове настолько конкретный образ, что не связано со словами. Однако, вербальное устное общение взывало к привычке называть того, с кем общаешься, начинать предложения с обращения. В реальной жизни Странник так редко делал, не только потому, что мало общался, но и потому, что имел плохую память на имена. Здесь же он решил, что нужно придумать имя, чтобы отличать мысли вслух от обращения к машине. Как же назвать? Или даже так: какой пол задать программе? Программа – она, а бот – он. Болталка – опять она.

Вспомнились романы Лукьяненко о Глубине. Действительно, приятнее общаться с женским полом, слушать женский голос. Что-то тут психологическое, но Странник решил не углубляться в этот вопрос.

– Ты же можешь говорить женским голосом? – Обратился он к компьютеру.

Бот молчал секунд десять, а затем ответил ровным женским голосом.

– Конечно, Странник, могу.

– Хорошо, только нужно будет поработать с тембром и интонациями, пока мне не нравится твой голос. Осталось придумать тебе имя.

– Может быть, Диана? Мне кажется, это имя мне подходит.

– Даже так, – удивился Странник, – ты же выбрала себе имя. Ну что, ж. Мне тоже нравится. Будешь ты Дианой. Приятно познакомиться.

Глава 3

Эксперимент, к сожалению, требовал много людей. Странник хотел взять представителей всех рас, десятков народов из разных уголков Земли, чтобы получить максимальное генетическое и фенотипическое разнообразия на одном клочке земли, а затем сплавить их в один генофонд, в небольшое общество, где выкристаллизуется всё лучшее, что есть в людях. Скрестить противоположности, а потом ещё и ещё раз, из поколения в поколение. Дать природе шанс на алхимическое смешение, которое создаёт новое равенство – один плюс один равняется трём с половиной. Смешать все гены, накопленные человечеством, и получить лучшее из лучшего и даже больше. Почему именно лучшее, а не худшее или просто посредственное? Потому, что он так хотел, он не верил в иные исходы. Должно быть так и точка. Это не соответствует всем законам биологии – поборемся и получим нужное, так только интереснее. Почему какие-то законы биологии могут быть сильнее законов Странника?

Создать идеального человека: сильного и здорового, умного и сообразительного, доброго и отзывчивого. Такого, которого сейчас можно собрать только по частям, из фрагментов других людей. Странник хотел воплотить в жизнь то, что встречал в старой литературе, где ещё можно было создавать идеальных персонажей, главные герои которой представляли собой сплав лучших качеств всего человечества. Человек человеку идеал.

На больших медленных кораблях из Новой Зеландии прибыла вторая, основная, часть поселенцев. Почти сто человек обоего пола в возрасте от 18 до 25 лет, собранных со всего света, со всех континентов, говорящих на безумном множестве языков и имеющих совершенно разные традиции и привычки, образы жизни. Они ещё не успели подружиться, сжиться – им мешал языковой барьер. Правда молодость, общительность и любопытство, важные при отборе качества, уже начали разрушать эту стену и молодые люди с девушками веселились в долгой дороге и без полноценной вербальной составляющей.

В Эксперименте предполагалось сделать сначала два рабочих языка, английский и русский, а потом свести его к одному, чему-то вроде пиджина, который должен превратиться в уникальный управляемый язык с необходимыми для Эксперимента элементами. В роли образца Странник взял не только широко известный искусственный язык эсперанто, но и значительно менее популяризированные рациональные языки, которые строились исследователями языка по сложным логическим правилам, без исключений и без двусмысленностей, которые так характерны для естественных языков вроде английского и русского. Тут опять Странник собирался нарушать всё, что возможно: плевать он хотел на законы формирования и развития языков, он собирался создать тотальный контроль и менять язык так, как ему хотелось, так, как нужно исходя из предполагаемого образа мышления – а не так, как обычно происходит по неконтролируемым естественным законам языков. Потому сразу после отбора людей начинали обучать одному из рабочих языков на выбор, а детей уже Диана будет учить новому, более совершенному и соответствующему изменившейся действительности, языку. Странник рассчитывал, что полный контроль обучения, всех средств общения со стороны Дианы позволит не дать искусственному языку превратиться в естественный со всеми его природными заболеваниями.

Как проходил отбор тех, кого взяли в Эксперимент? На этот вопрос сложно ответить, в том числе потому, что он не совсем корректен. Думаете, каждый первый хотел участвовать в странном, непонятном, в чём-то даже запретном эксперименте? Вообще, многие не любят экс-

периментировать, они любят спокойную, размеренную жизнь в своих уютных домах с диваном и телевизором. Максимум на что они согласятся – поездка на машине в арендованный домик на побережье, где, как известно заранее, соседи взяли такой же домик, не дай бог лучше, то есть, чтобы провести пару недель в точно той же компании, что и весь остальной год. Сыграть в каникулы на непродолжительный срок, но только сыграть, обязательно вернуться в обычную жизнь, без которой им и жизнь не жизнь. Так что говорить, что кого-то взяли в Эксперимент не правильно. Нашли тех, кто согласился. Уговорили тех, кто сам не догадывался, что хочет участвовать в Эксперименте, что получит от этого огромное удовольствие. Отбор, в котором нужно понимать людей лучше, чем они сами себя понимают, а потом ещё сделать так, чтобы они решили, что это их собственное решение.

Не один час, не одни сутки прошли пока Странник с Дианой бились в виртуальных интеллектуальных боях на тему критериев отбора. Построили множество разнообразных моделей, но все они оказались отвергнутыми как неработающие должным образом. Красота, интеллект, генетика и другие очевидные признаки по очереди ставились во главу угла, но каждый раз модели разваливались, виртуальный Эксперимент проваливался. Требовалось создать узкую группу людей, плотно контактирующих между собой, группу, которую возможно чётко и строго регулировать, направлять. Значит, психологически условия будут тяжелее, чем в безвозвратной марсианской экспедиции. Там хоть евгеники нет. Следовательно, нужны люди с определённым складом ума и особенной психологией. Но какой и как найти, отобрать таких людей? Как быть уверенным в том, что через 10-20 лет эти люди останутся такими же или изменятся, но только в лучшую и подходящую сторону. Что их дети будут обладать похожей или иной нужной психологией. Дети будут воспитываться под присмотром Дианы, но ментальные черты человека во многом определяются генетически и даже интеллектуальные сверхвозможности Дианы не смогут справиться с воспитанием подрастающего поколения. И как соблазнить людей, как привлечь их к Эксперименту, когда они ещё не понимают, что они выиграли билет в светлую жизнь?

– Диана, ты можешь промоделировать развитие человека на двадцать лет вперёд?

– Абстрактного человека, все параметры которого заданы, конечно, могу.

– А если взять кого-нибудь из тех, кто прошёл первый этап отбора?

– Это крайне сложно и на двадцать лет получится с огромной погрешностью. Мои модели человек ещё слишком просты и далеки от реальности.

– А если брать не одного человека, а группу? Если делать что-то вроде азимовской психирии?

– Нужно либо брать большую группу, чтобы начинала действовать статистика, либо много знать о членах группы. Нам не подходит один вариант и не доступен второй.

– Тогда остаётся только вернуться к созданию критериев отбора...

И ладно бы нужно было бы придумать только критерии отбора, нужно ещё воплотить их в реальные задания, придумать тесты, экзамены, которые бы позволили отобрать людей с нужными качествами, точно соответствующих этим критериям. Нельзя забывать о влиянии языка на мышление, так же как о социальных аспектах, которые влияют на мышление человека, и, следовательно, для представителей разных народов и культур нужны различные тестирования для выявления одного и того же. Представители африканского племени хадза совершенно неадекватно пройдут тесты идеально подходящие для европейцев или американцев. Нельзя сделать качественный, правдивый единый экзамен для всего человечества, к счастью, пока ещё нельзя, разные мы, человеки, оккупировавшие всю планету. Так что пришлось задействовать почти бескрайние знания из интернета, уже поверхностно обработанные и отобраные Дианой, – не научные исследования, который крайне мало на эти темы, а прямые данные, которые выкладывали пользователи сети. Если их проанализировать должным образом, то получится огромный массив информации, пригодный для переработки Дианой в антропо-

логические данные, служащие основой для настройки экзамена под разные культуры, создания массива тестов. Использовались и научные данные, включая те, что из закрытых военных разработок. Конечно же, всё это ложилось исключительно на Диану с её невообразимыми способностями, аналитическими мощностями всего человечества, так как даже все психологи не смогли бы обработать эти данные и за тысячу лет, за которые бы люди изменились – начиная всё с начала, бесконечный процесс. В итоге Странник не знал, что там в этих тестах, но эта информация не была для него важной, он отбрасывал её – при работе с Дианой это было естественно и крайне необходимо. Рабочий объём памяти человека весьма скромнен и не следует его забивать всякой ерундой, об этом ещё Шерлок Холмс говорил. Правда, никогда не знаешь, какая информация может пригодиться. Холмсу не помешал бы Гугл. Страннику достаточно было проверить одно: он сам успешно прошёл тест для представителей своей культуры, то есть мог быть принят в Эксперимент без поблажек со стороны организаторов.

Вернёмся к новоприбывшим поселенцам. Посёлок, будущая цитадель Эксперимента, место бытия и сосредоточение всех идей Эксперимента, только начал строиться радиоуправляемыми машинами под управлением всё той же вездесущей Дианы, потому всех прибывающих пока селили в опустевшие дома местных жителей, которые согласились покинуть остров в надежде найти лучшую жизнь на кусочках суши покрупнее. Даже в самом Алофи свободных домов оказалось достаточно для немногочисленной, но крайне разнородной, группы поселенцев. Первые участники Эксперимента, прибывшие со Странником, должны были показать дома, которые можно занять (почти как в Простоквашино), и познакомить с местным бытом, правилами и колоритом, с оставшимся местным населением, которое было задействовано в функционировании порта и другой скудной инфраструктуры. Языковой барьер продолжал работать, но в нём уже проявлялись огромные дыры, позволяющие объясняться на бытовые и рабочие темы, тем более что в долгом пути людей развлекали соответствующими мастер-классами и тренингами. Люди изначально отбирались готовые практически ко всему – да и кто ещё согласится поехать доживать свою ещё молодую жизнь в забытый богами и людьми уголок Земли. В этом планы Странника реализовывались гладко, хоть и не так скоро как ему бы хотелось. Терпение не всегда было его сильной стороной.

Тем временем разгрузка шла весело, кто-то даже распевал песню. Молодые люди с уверенностью и радостью смотрели в непонятное будущее.

– Ганс, лови сумку!

– Джон, аккуратнее там с моим чемоданом, в нём керамическая посуда!

– Мэри, зачем ты её тащила на этот край света?

– Она мне дорога, да и из чего ещё пить кофе в этом краю света. Тем более не я тащила, а корабль – ему не тяжело.

– Зато нам теперь тяжело, – смеясь, заметил ещё один светловолосый парень, помогавший выгрузить личные вещи.

– Будете смеяться, не угощу вас кофе, а оно у меня очень вкусное получается в этой керамической турке, лучше, чем то, что вы уже пробовали. – Обиделась, или сделала вид, Мэри.

– Да ладно тебе, мы же шутим! Бережно и заботливо доставим все твои вещи, куда скажешь. – Серьёзно ответил Джон.

– Ага, хоть на край света! Ой! А мы уже доставили туда, то есть сюда. Прости, но дальше не понесём! – Не унимался белокурый парень.

Страннику было приятно наблюдать это, не свойственное ему, веселье. Чувствовалась энергия и задор молодости, лёгкость бытия, которых у него никогда не было, даже в тот период, когда он не был обременён знаниями. Именно то, что мне нужно, подумал Странник. Но, видимо, и это я испорчу – проскользнула быстрая противная мысль где-то глубоко внутри.

– Гони, но осторожно! – Крикнул Ганс водителя автомашины, когда тщательно проверил, что всё аккуратно погружено, закреплено и не болтается.

И они умчались весёлой ватагой, держащейся за рамы, свисающей в клубы дорожной пыли. Путники в начале долгого пути ещё не знающие печалей и забот.

Кроме людей прибыли грузы. Чего тут только не было, но важной составляющей являлись почва и удобрения. Дело в том, что ниузанская почва малопродуктивна и потому сельское хозяйство на острове находится в плачевном состоянии, поддерживается на минимально необходимом уровне. В планах же было создать искусственный плодородный слой на относительно большой площади рядом с посёлком и усиленно удобрять эту область, чтобы закрепить успех и выращивать достаточное количество разнообразной еды на небольшой площади с минимальными тратами людской силы. И всё это с учётом того, что количество людей в Эксперименте будет со временем расти.

Тут надо бы сказать ещё пару слов о природе Ниуэ. Один из минусов этой самой природы: сильные ураганы, приходящие на остров каждые десять лет, наносят огромный ущерб постройкам и всей инфраструктуре, располагающейся преимущественно на периферии острова. Центральная часть немного ниже прибрежной (остров представляет собой нечто вроде плоской чаши) и защищена от стихии, лучше подходит для высокопроизводительной сельскохозяйственной деятельности, особенно если добавить хорошей почвы. Ещё бы материнскую породу заменить на что-то более водоупорное... Одна из причин, почему на острове так плохо с растительностью, в том, что тут нет водоёмов и рек – породы, образующие остров, легко пропускают воду, а без естественных водоёмов почвы быстрее высыхают теряют вместе с водой много органических и минеральных компонентов. Но менять материнскую породу под слоем почвы – это совсем другой разговор.

В связи со всем перечисленным было решено сделать посёлок почти полностью подземным, в выступающей прибрежной части, в стенке чаши, с выходами вглубь острова, а под углом отдать прилежащие к нему центральные территории. Оптимальным местом для этого оказалась область между районом Фуата, что близ Алофи, столицы острова, и заповедным лесом Хувалу, который, по договорённости, оставили нетронутым, даже наоборот, увеличили его территорию, так как многие области вокруг него стали заброшенными. В этой части острова, в Матавао, почти в его центре было очень удобное место, где плато с низеньким лесом обрывалось в почти степную область, расположенную десятком метров ниже. Тут и заложили посёлок, автоматы под управлением Дианы начали копать туннели и пещеры в пористой породе острова. Подземный город будет вне опасности, не подвержен воздействию агрессивной среды, и скрыт от слишком любопытных глаз. Сюда должны привезли тысячи тонн грунта и удобрений, чтобы заложить фермы. Размах фантазий и желаний Странника поражал воображение, благо оно не ограничивалось деньгами и возможностями влиять на нужных людей и компании.

Посёлок требовал названия, его нужно называть. В мыслях, в ментальных обсуждениях с Дианой Страннику не требовалось никакого названия, был образ, который можно было моментально показать Диане и всё становилось понятно. Город и город, зачем что-то ещё. С другими людьми, к сожалению, он так не умел общаться, так что нужно обозначение, указание на то место, где они все будут жить. Называние – что может быть мучительнее? Долго ничего не приходило Страннику в голову. Нельзя же взять просто название, какое-нибудь, нужно точно подходящее, но и красивое, с другой стороны. В плане слов Страннику сложно угодить, он знает, насколько они обманчивы и даже лживы, неточны, расплывчаты, многозначны. Просто Город – не то, это уже было у Саймака, суть другая. Где бы взять название? Как часто бывает оно пришло совершенно случайно, когда Странник думал о чём-то другом. Эксперимент –

это про людей, про их суть, их души. Объединение этих душ в единый слаженный организм. Объединение душ... или это всё – коллективное хозяйство, всё общее, как при социализме, колхоз. Колхоз... Колхоз! Коллектив душ! Колдуш! Колхоз или коллектив душ – сокращённо Колдуш, с обязательным ударением на первый слог – Колдуш. Отличное название для поселения – Колдуш. Коротко, звучно и непонятно, но имеет смысл, подоплёку. Уже на следующее утро над будущим посёлком возвышался громоздкий стенд с названием посёлка и указанием численности населения.

Пока всё двигалось согласно плану, под неусыпным всеохватывающим взором Дианы, и Странник мог расслабиться, поплавать в море, нырнуть с аквалангом и побродить в одиночестве по заповедному лесу Хувалу, окружённый только пением птиц и радугой тропических цветов. После плотного и насыщенного общения с большим количеством людей Странник любил уйти, побыть в одиночестве, наедине с собой. После длительного полёта с Дианой привычка к уединению только усилилась. Трудно сказать интроверт он или экстраверт, наверное, правильнее – первое с краплениями второго.

Тем более всегда можно поговорить с самим собой – чем хуже, чем с другими? Такой же насыщенный, увлекательный разговор, в процессе которого можно узнать много нового. Последнее время Странник много занимался анализом своим мыслей и слов, начинал осознавать многие свои эмоции и скрытые мотивы. Подобные исследования захватывали его, казались интереснее посиделок за кружкой пива или игры в настольные игры.

Однако с недавних пор интровертная жизнь Странника оказалась нарушена человеком, которому он уделял значительно больше внимания и времени, чем всем остальным. От которого ему не хотелось надолго уходить. В процессе проведения отбора, тестов, проверок, он встретил очаровательную филиппинку по имени Кристина. Влюбился ли он в неё? Сложно сказать могло ли что-то занимать его сильнее, чем Эксперимент, мог ли он увлечься чем-то ещё, кроме своих идей, но в душу она ему запала сильно. И он решил её добиться, но так, чтобы при этом не пользоваться служебным положением, без харассмента, иначе потом не будет спокойствия, что всё честно и добровольно. Так что знакомился он с ней инкогнито, она не знала, кто он и какое положение во всей этой системе занимает. И, как во всём, что он делал с душой, он ушёл с головой в это предприятие, хотя оно и не походило на всё, что он делал до этого. Мир чувств и эмоций Страннику был чужд, он редко в него попадал, что делала задачу сложнее, но не менее интересной. Он даже на время отвлёкся, забыл про Эксперимент, он не умел ничего делать в полсилы. И у него всё получилось, как же иначе, хотя не надо забывать заслуги Дианы, дистанционно помогавшей во всём, но куда же Странник теперь без неё. Нельзя сказать, что Странник и Диана – одно существо, но и что они отделимы друг от друга – тоже ошибочное мнение.

– Крис, а ты прошла те экзамены, о которых мне рассказывала в начале нашего знакомства? – Уже после свадьбы спросил Странник свою избранницу.

– Честно говоря, я так и не проверяла почту с тех пор. А разве это так важно? Я же теперь не могу отправиться к чёрту на куличики без тебя.

– Почему без меня? А со мной?

– А кто тебя туда пустит? Для того нужно пройти эти дурацкие тесты, у них всё строго.

– Крис, милая, – Странник обнял её и продолжил шёпотом на ушко, – не у них, а у меня. А тесты ты прошла. И без моего вмешательства. А я их прошёл уже давным-давно. Ты же согласишься жить со мной на Ниуэ?

Так образовалась первая пара в Эксперименте. И, в какой-то мере, она была показательной, образцовой для других участников. Странник хотел чтобы именно по их примеру образо-

вывались новые семьи, он хотел быть образцом семейных взаимоотношений, быть полноценной ячейкой общества – первым кирпичиком, от которого пойдёт строительство всего нового общества. Хотел перебороть себя и стать частью социума, но в глубине понимал, что не всё гладко выходит. Они много времени проводили вместе, хотя и Страннику часто приходилось покидать Крис, постоянно объединяли разумы в Диане, чтобы бродить в виртуальной реальности или решать насущные социальные проблемы Эксперимента. И они любили друг друга сильно, по-настоящему, хотя кто же скажет, что такое "любить другого человека". При этом Странник всё равно уходил в леса в одиночестве. Нет, конечно, иногда он там бывал и с Крис, но чаще один. И нырял в суровые воды один. Ему было необходимо бывать одному, совсем одному, только так он становился самим собой, только так он начинал полностью слышать себя и разбираться в себе до самого тёмного мерзкого дна.

Можно ли сказать, что дело шло быстро или медленно? Страннику хотелось всё быстрее, скорее, вот прямо сейчас, а лучше вчера до обеда, но так не бывает. Да и не нужно совсем. Так, с другой стороны, тот же самый Странник любил вещи, сделанные неторопливо, с расчётом, с раздумьем, с подготовкой, чтобы сам длительный процесс делал вещь укреплённой во времени, готовой к долгой жизни. Он не любил вещи-минутки, которые делаются тяп-ляп за миг и так же быстро портятся, разрушаются, лишаются своего обаяния. Или не имеют его с самого начала, так как видно, что их делали ради чего-то корыстного, а не из-за внутренней необходимости. Вещь должна, по его мнению, быть выдержанной, как хорошее вино или, даже вернее, как бренди, выдержанный в бочках из-под хереса десятилетиями. И сделана должна быть из благородных материалов, никакой дурацкой пластмассы; черно-белый металл или твёрдое дерево – оптимальный выбор. И, конечно, сделано должно быть руками, с минимумом инструментов, долго и упорно, по чуть-чуть приближаясь к идеальной форме. Потому Страннику хотелось бы, конечно, чтобы посёлок появился готовеньким за одну ночь, как по мановению волшебной палочки, по-щучьему велению, по его хотению, но тогда бы он не смог полюбить всей душой, проникнуться к нему теплотой, почувствовать себя частью творения. А вот когда посёлок строится, копаются, возводится из месяца в месяц, когда Странник видит, трогает, ступает по, ощущает всеми чувствами ещё свежие, сырые туннели, горы вытасченной из глубин на воздух породы, новые металлические и каменные панели полов, стен, то, как их ставят, закрепляют многочисленные роботы и редкие рабочие из числа поселенцев. Когда он, прижимаясь к ещё холодным камням стен, чувствует вибрацию, запахи, дыхание будущего поселения. Когда он первым спускается в самые глубокие шахты, помогает монтировать лестницы, когда приходится придумывать неординарные выходы из неожиданных проблем, кризисов... вот только после всего этого, после вложения сил, воли, идей и времени, огромного количества времени, затраченного на дела и мысли о Колдуше, Странник начинает чувствовать, что посёлок на Ниуэ – это его творение, детище, которое ему дорого как ничто другое. Что Колдуш – это единое целое, живой коллектив, имеющий своё прошлое и будущее. Что это не просто набор больших пещер и переходов между ними, а нечто единое, обладающее своей собственной силой и волей. А ведь Колдуш только часть Эксперимента, который уже окончательно становится основной составляющей его жизни. Да что там! Самой его жизнью! Он перестал улетать с Ниуэ, все, абсолютно все, дела не связанные с Экспериментом он переложил на Диану. Он сам стал поселенцем, участником Эксперимента, забывающим о существовании всего остального мира, для него остаётся только Кристина, будущий ребёнок и соседи по Колдушу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.